

«ВХОДИТЬ ИЛИ НЕ ВХОДИТЬ?» (ДИСКУССИИ В ПАРТИИ ЭСЕРОВ О ВХОЖДЕНИИ ВО ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО)

Леонтьев Я.В.* (Россия, г. Москва)

Аннотация. В работе поставлена малоизученная проблема различных, порой альтернативных стратегий внутри Партии социалистов-революционеров по отношению к революционной власти в целом и дискуссии по поводу вхождения в коалиционное Временное правительство, в частности. В фокусе основного внимания находятся главные партийные форумы эсеров в период с марта по июнь 1917 года.

Первые дни после Февральской революции в рядах Партии социалистов-революционеров (далее ПСР), неоднократно ранее делившейся на разнообразные течения, царило относительное единство. II Петроградская конференция ПСР, проходившая с 3 по 5 апреля в помещении Высших женских (Бестужевских) курсов, стала по сути дела первым смотром столичных сил партии. В ней приняли участие 153 делегата с правом решающего голоса и 142 члена партии с совещательным голосом. Основными пунктами, которые выносились на рассмотрение конференции, были вопросы о текущем моменте, об отношении к войне, к Временному правительству, рабочий и аграрный вопросы, а также об отношении к другим политическим партиям и группам и, наконец, о создании «правильной и полной организации» ПК ПСР.

Председателем конференции был избран член Исполкома Петросовета, вернувшийся в Петроград 19 марта с поселения (после отбытия каторги) из Иркутска А.Р. Гоц. Имевший репутацию партийного «центриста» и «мягкого» интернационалиста (он принадлежал к группе т.н. «сибирских циммервальдцев»), Гоц выступил в первый день работы главным докладчиком по вопросу о войне. Предложенный Петроградским комитетом (далее ПК) порядок дня был дополнен пунктами об Учредительном Собрании и общепартийном съезде.

Левое меньшинство на конференции было представлено такими ораторами, как вернувшийся из эмиграции (из Дании) Б.Д. Камков (наст. фамилия Кац), известный литератор С.Д. Мстиславский (наст. фамилия Масловский) и вернувшийся из ссылки В.Е. Трутовский. Камков выступил содокладчиком Гоца, начав таким образом «дуэль» между ними, продолжавшуюся затем в течение двух месяцев. Бросив перчатку своему оппоненту, он охарактеризовал позицию докладчика, как «социально-патриотическую с интернациональным антуражем» [1, с. 37]. Согласно газетному отчету в «Деле Народа», он заявил: «Причины войны империалистические со стороны обеих коалиций. И в данный момент мы, русская демократия, являемся также членами хищнической коалиции, ибо хотя мы и отказались от аннексий и контрибуций, но от них не отказалась англо-французская буржуазия <...>».

Тезисы, выдвигаемые Камковым, сводились к трем тактическим шагам: 1) созыв международного социалистического конгресса; 2) давление на правительство с целью вынудить его опубликовать прежние международные договоры, заключенные Россией; 3) принуждение правительства к выработке плана мира и обращение к союзникам с призывом созвать мирную конференцию. Свою речь он закончил пафосно: «Наши задачи – не скрываться за «оборонческими» формулами, а перенести революционное движение во все страны и создать тот «мировой пожар», в котором сторело бы современное буржуазное общество и создано социалистическое!» [1, с. 38].

Из обсуждения, судя по газетному отчету, вытекало, что для практически всех выступивших в прениях платформа Камкова была не приемлема. Чуть ли не единственным, кто выступил на его стороне, был Трутовский. Он в «энергичной» манере призвал не забывать клятв, данных на Базельском и

* Леонтьев Ярослав Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории государственного и муниципального управления, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

Штутгартском конгрессах: «Мы, социалисты, тогда обязались перед Интернационалом всеми силами стремиться к ликвидации войны, если таковая возникнет». Трутовский предложил «свергнуть... иго» Антанты и «заклучить сепаратный мир с Германией, если она откажется от контрибуций и аннексий». Доведя тезисы Камкова до логического конца, Трутовский оказался первым из левых эсеров, кто открыто выдвинул тезис о сепаратном мире, что ему потом припомнили на III съезде ПСР.

Из слов Гоца на утреннем заседании 4 апреля следует, что по окончании первого дня работы конференции, произошло заседание согласительной комиссии по выработке «единой резолюции» по вопросу об отношении к войне. Спорящим сторонам удалось достигнуть «примирительной формулы по все пунктам резолюции, кроме последнего». Насколько можно понять из последующих выступлений ораторов, Гоц настаивал на формулировке «защиты» и «обороны» завоеваний революции «от посягательств изнутри и вовне», т.е. выдвигал тезис «революционного оборончества», а левоэсеровское меньшинство вместо этого отстаивало формулировку «поддержания боеспособности армии».

При обсуждении следующего вопроса об отношении к Временному правительству Трутовский заявил, что поддерживать правительство следует лишь в случае, если в нем будет социалистическое большинство, а до этого «ни в какое сотрудничество с буржуазным правительством социалисты вступать не должны». Камков в резкой форме охарактеризовал правительство, как «определенно буржуазно-классовое», и не без претензии на афористичность заявил, что «это правительство не общественного доверия, а общественной паники». Он не только продолжал настаивать, на том, что «партия с.-р. не должна поддерживать Временное правительство «постольку-поскольку»», а выдвинул программный тезис: «партия с.-р. просто ему не доверяет, она доверяет только Совету рабочих и солдатских депутатов».

В качестве итогового документа об отношении к правительству была принята резолюция, указывающая, что «партия оказывает содействие тем мероприятиям Временного правительства», которые направлены в области внутренней политики «к действительному осуществлению демократических реформ», а в области внешней политики – «к ликвидации войны на началах, соответствующих правосознанию трудовой демократии». Вместе с тем конференцией признавалось «недопустимым участие представителей партии в коалиционном правительстве», поскольку таковое «возлагает на партию ответственность за все меры правительства» [1, с. 77]. Но одновременно конференция направила приветственную телеграмму за подписью председателя Гоца в адрес министра юстиции А.Ф. Керенского, единственного на тот момент социалиста в составе Временного правительства.

Не углубляясь в дальнейший обзор всего хода работы конференции, отмечу, что, выступая с отчетным докладом в качестве секретаря ЦК на IV съезде ПСР в декабре 1917 г., В.М. Зензинов приводил распределение голосов при голосовании вопросов о войне и конструкции власти на апрельской конференции: 68 – за резолюции центра, 56 – против, 13 – воздержались. Однако поданные «против» голоса могли принадлежать не только левым, но и правым.

Именно с момента II Петроградской конференции начался раскол в партии, почин которому, как разъяснял на IV съезде Зензинов, «был сделан правым крылом». Он напомнил, как на апрельской конференции из состава Петроградской организации и редакции центрального органа партии «Дела Народа» вышли А.И. Гуковский и Питирим Сорокин, приступившие в мае вместе со своими единомышленниками (В.С. Миролубовым, Е.А. Сталинским и др.) к изданию газеты «Воля Народа», давшего наименование «воленародовскому» течению. Представитель этой группировки на III съезде ПСР А.А. Аргунов так аргументировал возникновение этого печатного органа: «Мы возникли в противовес течению, представленному Мстиславским, Ив<ановым>-Разумником, которые овладели «Делом Народа» и «Землей и Волей». Наша задача была – парализовать это течение. Наше право на это было, так как наша партия не имела тогда официального мнения» [1, с. 487].

Если итог II Петроградской конференции устраивал центристов и с оговорками левое крыло, то у «правых» эсеров ее резолюции вызвали решительное неприятие. 22 апреля в «Деле Народа» было опубликовано письмо 36-ти, послужившее основой для формирования правоэсеровской оппозиции. Письмо было подписано рядом ветеранов народнического и народофильского движения, принадлежавших к ПСР (в том числе А.А. Аргуновым, И.И. Майновым, В.С. Панкратовым, А.В. Прибылевым, Н.С. Тютчевым и др.), легендарным Германом Лопатиным, старшим братом Виктора Чернова Владимиром, а также

такими видными деятелями партии, как Б.В. Савинков и П.А. Сорокин. Подписавшие письмо указывали на «глубокое разноречие» в партийных резолюциях в различных местностях, прибавляя, что «как в Петрограде, так и в некоторых других городах от имени партии социалистов-революционеров выдвинуты были такие лозунги и вынесены такие резолюции, с которыми мы никоим образом не можем согласиться». Признавая законной борьбу мнений внутри партии вплоть до всероссийского съезда, подписавшие письмо особенно негодовали в отношении резолюций именно столичной конференции. Подобные постановления, утверждали авторы письма, «не являются мнением всей партии и даже ее большинства».

Платформа, которую они выдвигали, заключалась в четырех пунктах. По вопросу о войне, говоря о захватнических действиях со стороны Германии, правые эсеры полагали, что «война должна вестись нами в согласии союзниками, с полным напряжением всех сил до заключения общего (а не сепаратного мира)», для достижения которого нужны «согласованные усилия демократий всех стран». Авторы письма однозначно признавали Временное правительство в качестве «органа революции, представляющим в момент всенародной опасности не те или иные классы, а нацию в целом» и находили участие социалистов в нем «не только желательным, но и необходимым».

Последний пункт «платформы 36-ти» был явно нацелен в сторонников платформы Камкова: «Демагогические выступления отдельных групп и лиц, вносящих в жизнь как бы под движением социализма дезорганизацию и анархию, по нашему убеждению, требуют энергичного противодействия, <...> так как они, наравне с контрреволюционными попытками подрывают дело революции и социализма» [1, с. 83].

За три недели до публикации их письма на Финляндский вокзал в Петрограде прибыл признанный лидер эсеров В.М. Чернов. Он вернулся из многолетней эмиграции 8 апреля, с разницей в пять дней после возвращения из-за границы В.И. Ленина. Чернов приехал поездом из Стокгольма, попав в шведскую столицу на грузовом пароходе из Лондона под «эскортом двух миноносцев». Голос Чернова в их поддержку мог с самого начала придать совершенно иное звучание левой оппозиции, тем более, что в партийных кругах Камков был известен в качестве близкого соратника партийного вождя по антивоенному (циммервальдскому) движению, и даже «ученика» лидера эсеров (что признавал сам Чернов). Однако Чернов обманул ожидание и надежды крайне левых. Уже на следующий день он выступил на воскресных митингах и в пленуме Петросовета, после чего Петроградский Совет немедленно избрал эсера №1 в состав Исполкома. И в Петросовете, и на заседаниях ЦК В.М. Чернов придерживался левоцентристской позиции, войдя вскоре в состав коалиционного Временного правительства в качества министра земледелия.

Перед решающей схваткой на общепартийном съезде пробой сил оппонирующих течений стали два форума эсеров, прошедших в столице в течение мая. 3 мая под председательством В.М. Зензинова состоялось соединенное заседание партийно-советских эсеровских структур: членов ПК, обкома Северной области, представителей партии в Исполкоме Петроградского Совета, Бюро фракции Петросовета и районных комитетов Петроградской организации. Совещание было посвящено вопросу о вступлении эсеров в коалиционное правительство.

Первым докладчиком с обоснованием решения Исполкома Петросовета о вхождении социалистов в правительство на нем выступил «оборонец» Н.Д. Авксентьев. Изложение точки зрения противников участия в правительстве взял на себя Камков, заявивший, что «коалиционное министерство (читай кабинет министров. – Я.Л.), какое бы оно ни было, не может выйти на путь разрыва с империалистами союзных держав» [1, с. 94]. Временному правительству Камков вслед за В.И. Лениным противопоставлял власть, «которую выдвинут Советы». Кажется, именно на этом форуме В.М. Чернов впервые публично выступил против своего «ученика». Свою обширную речь он свел к выводу о необходимости вхождения в правительства на том основании, что «продолжая всеми своими силами свою собственную работу по организации рабочей демократии», эсеры должны «взяться вместе с тем отчасти уже и за организацию страны» [1, с. 107].

Итоги голосования по вопросу о вхождении в правительство были неутешительными для левых. Резолюция большинства набрала 172 голоса против 37, при 5 воздержавшихся. Оппозиционное меньшинство пыталось предложить альтернативную резолюцию. По мнению левых, «единственным возможным выходом из критического положения, в которое поставил страну старый строй и двусмысленная

политика Временного правительства», могло быть лишь создание «истинной революционной власти, организованной социальной демократией в лице Совета Р<абочих>, С<олдатских> и Кр<стьянских> Депутатов». Левая оппозиция настаивала, «что только такая власть сможет рассчитывать на единодушную и активную поддержку всей трудовой России, что только она сможет вести активную политику ликвидации войны на началах, продиктованных правосознанием трудовой демократии, и закрепить и расширить завоевания русской революции». Исходя из этого, левые высказывались «против коалиционного министерства и вхождения в него членов партии с.-р.» [1, с. 95–96].

Данное соединенное заседание прошло накануне открытия 4 мая I Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, продолжавшего свои работы вплоть до 28 мая. Председателем бюро президиума съезда 6 мая был избран Н.Д. Авксентьев, на съезде в целом доминировали правоцентристски ориентированные эсеры. 5 мая Петросовет после серьезных колебаний принял решение о вхождении социалистов в правительство. В течение трех дней этот вопрос обсуждался на крестьянском форуме.

После речи Чернова на дневном заседании 5 мая вопрос о признании коалиционного правительства был поставлен на голосование. Лишь 9 человек (включая эсеров левого крыла Б.Д. Камкова и И.З. Штейнберга) отвергли вхождение социалистов. 21 делегат воздержался, и огромным большинством голосов съезд проголосовал за коалицию [3, с. 45].

Вследствие этого в коалиционное правительство вошли сам Чернов – в качестве министра земледелия, А.Ф. Керенский – в качестве военного и морского министра, народный социалист А.В. Пешехонов – в качестве министра продовольствия, трудовик П.Н. Переверзев – в качестве министра юстиции, меньшевики И.Г. Церетели и М.И. Скобелев – соответственно в качестве министра почт и телеграфов и министра труда.

Повторные дебаты по вопросу о власти среди эсеров, в гораздо более острой форме по сравнению с предыдущим форумом, развернулись в ходе совместного заседания городской и областной конференций Северной (партийной) области ПСР 23 мая, т.е. за два дня до открытия III съезда ПСР в Москве. Первым докладчиком по вопросу о коалиционном правительстве оппозиция выставила члена Северного обкома С.Д. Мстиславского, которому противостоял министр земледелия В.М. Чернов. После выступления Чернова открылись прения, с целью сокращения которых было определено выставить от каждой из конференций по четыре оратора. От имени Областной конференции выступили М.А. Натансон, М.П. Капица, представлявшие столицу, и яростные оппозиционеры А.М. Брушвит (Кронштадт) и А.М. Устинов (Гельсингфорс). Недавний соратник Чернова по двум международным циммервальдским конференциям левых социалистов, включая большевиков и меньшевиков-интернационалистов, Натансон критиковал вхождение в правительство с двух точек зрения – международной и внутрипартийной. Он выступил за предъявление ультиматума союзникам по Антанте с требованием присоединиться к мирным инициативам русской демократии. Рассуждая о кризисе власти и репутации партии, Натансон скептически расценил усилия по спасению Временного правительства через вхождение в него, заявив: «Партия не погибнет, но, несомненно, пострадает» [1, с. 136].

Представитель Кронштадта Брушвит четко высказался за переход власти к Советам, осудив любые компромиссы. Левоцентрист Капица выразил надежду на скорое взятие министрами-социалистами «в свои руки всей полноты власти». Идею создания однородно-социалистического правительства развил и Устинов, заявивший: «Мы не против вхождения в правительство лишь в большинстве...».

От лица Петроградской конференции вслед за ними выступили представители правого центра Д.О. Гавронский и А.Р. Гоц, отстаивавшие участие в правительстве и платформу военного министра А.Ф. Керенского. Выступивший сразу после Натансона левоцентрист Н.С. Русанов настаивал на ответственности министров-эсеров перед партией. Последним от имени городской конференции выступал Б.Д. Камков. Намеченный кандидатом в состав президиума партсъезда лидер левой оппозиции на этот раз был не столь резок, уступив первенство критике Мстиславскому и высказав опасение, что одновременная ответственность социалистов и перед Петроградским Советом, и перед партиями, породит конфликт между ними.

После прений и заключительных слов Мстиславского и Чернова была принята общая резолюция конференций, одобряющая участие партии в правительстве. Однако проголосовали ее делегаты обеих конференций порознь. В рамках городской конференции эту резолюцию провели 82 голосами против 9, при 5 воздержавшихся. Среди делегатов областной конференции удельный вес сторонников левого крыла оказался значительно выше: резолюция набрала 71 голос против 36, при одном воздержавшемся. В альтернативной резолюции левой оппозиции говорилось, что ПСР не должна иметь представительства во Временном правительстве, пока социалисты не имеют в нем большинства. Таким образом, соотношение сил в столичной организации было далеко еще не в пользу левых.

III всероссийский съезд ПСР открылся в актовом зале Народного университета А.Л. Шанявского (ныне в этом здании помещается РГГУ) в Москве 25 мая 1917 г., после десятилетнего перерыва после предыдущего съезда. Не без скепсиса оценивал партийный форум задним числом В.М. Чернов: «Собравшиеся на майский Московский съезд партии представляли собою не только очень пеструю массу, но и массу людей, почти совершенно не знавших друг друга. Только в течение съезда должно было происходить и происходило взаимное ознакомление, причем и ранее работавшим вместе обычно приходилось заново знакомиться друг с другом: так велик был перерыв в их личных сношениях, так много было каждым пережито совершенно индивидуально, особняком от всех других <...>».

Если анализировать резолюцию съезда, обращая особенное внимание на вносимые фракционные поправки, то придется разделить съезд на три чрезвычайно неравные части. С одной стороны, не очень большое (человек в 50–60) левое крыло, чрезвычайно темпераментное и решительное; с другой – едва заметное по своей численности, человек в 10–12, откровенно правое крыло, и на вид чрезвычайно компактный, охватывающий главную массу, от двух третей до трех четвертей съезда, центр» [2, с. 6–7].

По согласованию между различными партийными группировками председателем III съезда на первом утреннем заседании 25 мая был избран Н.И. Ракитников. Появившийся лишь на вечернем заседании 26 мая появился В.М. Чернов свое длинное выступление посвятил переживаемому историческому моменту (в том числе финансово-продовольственному кризису) и роли партии, которую главный идеолог ПСР поименовал «русской социально-демократической партией с.-р.», ответственной «не только за Россию, но и за все международное значение русской революции».

На следующем заседании был поставлен вопрос о войне, по которому выступили уже пристрелявшиеся дуэлянты – Гоц и Камков. Первый раунд выиграл Гоц, речь которого была лаконична и убедительна. Он начал ее с определения характера войны: «вряд ли кто из современных социалистов решится отрицать наличность бесспорных и несомненных империалистических стремлений у господствующих классов всех воюющих государств». Гоц, возможно, вполне искренне пытался сгладить партийные дразги, заявляя: «Я с особой силой должен подчеркнуть, что расхождение это носит не принципиальный характер, а лишь тактический, согласно признавая, что главной нашей целью является борьба за всеобщий мир». Суть разногласий с оппозицией он свел к следующей формуле: «Мы расходимся в оценке методов и средств этой борьбы, а также в том темпе, в котором она должна вестись». Оратор назвал неприемлемым требование оппозиции о предъявлении ультиматума союзникам, назвав такой подход «утопическим» и «авантюристическим», и охарактеризовал компанию по требованию огласки «тайных договоров», поднятую «с легкой руки большевиков», как носящую «исключительно демагогический характер». По словам Гоца, эти тайны «стали уже давно секретом полишинеля».

Перейдя к задачам фронта, он призвал категорически отвергнуть путь сепаратных соглашений, «как в корне противоречащий нашему интернациональному действию», и сформулировал главные задачи фронта так: «Долг революционной армии сейчас защитить Великую Русскую Революцию, не позволить растоптать этот очаг международного движения, сокрушить эту главную цитадель «третьей силы», потушить этот светоч интернациональной солидарности» [1, с. 244].

Речь Камкова в стенографическом отчете выглядит излишне затянутой и не до конца продуманной, хотя, вероятно, ему просто мешали реплики и гул в зале. Сопровождавший выступление Камкова шум заставил его дважды прерывать речь, которую ему так и не дали закончить.

Не вдаваясь в излишние подробности хода всего съезда, отмечу, что именно во время прений по самому злободневному вопросу, правые эсеры начали использовать по отношению к левым эсерам ярлык «наши большевики». Оратор от группировки «воленародовцев» Ан-ский (литературный псевдоним С.А. Раппопорта), в частности, произнес: «Товарищи, с большим интересом ожидал я доклад товарища Камкова, лидера наших большевиков», получив одергивание председателя: «Позвольте вас призвать к порядку; большевиков нет в нашей среде» [1, с. 273].

В заключительном слове Камков коснулся фигуры Чернова. Отвечая на риторический вопрос «с кем мы» – с Черновым или «мы стоим изолированно», он заявил: «Когда В.М. Чернов был в Циммервальде, когда он работал за границей и выступал, как революционный интернационалист, – мы были с ним. И поскольку он таким остается, мы с ним, а поскольку он отошел от этого – мы против него». При этом лидер левой оппозиции выразил надежду, что они найдут общий язык с Черновым: «я скажу, что перебросить мостик от Чернова к «Воле Народа» будет труднее, чем перебросить мост от Чернова к нам, налево». Наиболее категорично Камков выразил отношение к предстоящему наступлению:

«Мы не двинемся с места, если для нас нет в этом необходимости. А для нас необходимости в этом нет. Пусть Чернов, пусть Керенский, пусть все кричат о наступлении, но если рабочим и крестьянам, сидящим на фронте, если им не докажут, что они защищают право народа жить свободно, а не защищают империалистических планов буржуазии, – они в наступление не пойдут, и у нас, кроме скандала, ничем это не кончится» [1, с. 332].

Из стенограммы видно, как напряженно дебатировалась и согласовывалась резолюция «Об отношении к войне». Н.Д. Авксентьев в этой связи говорил: «После того, как была принята резолюция товарища Гоца, в течение двух дней была проведена работа совместно с Виктором Михайловичем [Черновым]. Работа, с одной стороны, [с] так называемой левой группой, которая все время стоваривалась с товарищем Гоцем, внося в его резолюцию поправки, с другой стороны – группа так называемого центра избрала специальную комиссию, которая тоже вносила поправки, стоваривалась с Виктором Михайловичем и приходила к определенным с ним соглашениям на этом основании. На основании этого соглашения в резолюцию товарища Гоца внесены поправки. Съездом проделана большая работа, в которой принимали участие различные элементы данного съезда» [1, с. 445–446].

В итоговой резолюции эсеры требовали: «Мы призываем народы воюющих стран заставить свои правительства и свои господствующие классы отказаться от захватных стремлений; взять дело мира в свои руки <...> мы заявляем, что рус<скому> народу, широким массам рабочих и крестьянства, империалистич<еские> цели войны чужды и что рус<ская> демократия не желала и не желает никаких захватов». Резолюция призывала, «чтобы Временное Революционное Правительство приняло все меры к пересмотру и ликвидации тайных договоров, заключенных царским правительством»; далее в ней говорилось, что съезд «категорически отвергает сепаратный мир и сепаратное перемирие, как в корне противоречащие методам интернациональных действий», считает «недопустимым внесение в армию демагогической проповеди отказа от всякого движения вперед из окопов и неповиновения распоряжением революционного правительства» и находит «необходимым... приведение армии в полную боевую готовность и создание из нее силы, способной к активным операциям во имя существования задач русской революции и ее международной политики».

Вторая наиболее болевая точка относилась к вопросу об отношении к правительству. Основным докладчиком по этому вопросу выступал тот же Авксентьев. Левая оппозиция выставила в качестве содокладчика В.А. Алгасова. В своем выступлении он сразу заострил суть противоречий, заявив о необходимости противопоставлять «Временное буржуазное правительство Временному революционному правительству» (выделено мною. – Я.Л.). «Когда создавалось Временное буржуазное правительство, – сетовал Алгасов, – со стороны демократии была сделана чрезвычайная ошибка, что она передала власть буржуазии и санкционировала это». Но теперь, по мнению оратора, «для получения власти ее не нужно захватывать», «для этого должно быть соответствующее компетентное учреждение, каким является Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов», и «достаточно того, чтобы это учреждение приняло правильное решение» [1, с. 345].

В качестве задач он выдвигал падение буржуазного правительства и создание Временного революционного правительства «коалиционного», но коалиционного сугубо в рамках партий революционной демократии. «Мы, партия социалистов-революционеров, – продолжал он, – оставаясь на точке зрения революционного социализма, не можем санкционировать присутствие» в коалиционном с буржуазными партиями правительстве «наших товарищей». Исходя из создавшегося положения вещей, Алгасов высказался за отзыв Керенского и Чернова из нового «буржуазного» состава Временного правительства. Однако, обозначив свои позиции, левые (или, по крайней мере, часть из них), как и в вопросе о войне, и тут готовы была пойти на временный компромисс. Подтверждением этого является дальнейшее выставление от «группы центра» и «группы левых» общего оратора по вопросу об отношении к коалиционному правительству в лице Чернова [1, с. 455]. От группы правых оратором выступался А.И. Гуковский.

Ценный факт сообщил известный эсер и историк С.П. Постников во время судебного разбирательства по делу газеты «Дело Народа» в Петроградском трибунале печати под председательством левого эсера А.А. Шрейдера зимой 1918 г. Выступивший в качестве свидетеля Постников сообщил о том, что на III съезде ПСР он участвовал во фракционном заседании «интернационалистов». По его утверждению, почти все они (включая поименованного им И.З. Штейнберга) проголосовали за итоговую резолюцию о коалиции. Против высказались лишь трое делегатов. Таким образом, партийное единство в рамках III Всероссийского съезда ПСР, при всей остроте начавшихся расхождений, было сохранено, и коалиционное правительство получило санкцию представительного партийного форума.

Список литературы

- [1] Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. В 3-х т. Февраль–октябрь 1917 г. – М., 2000. Т. 3. Ч. 1.
- [2] Протоколы заседаний ЦК партии эсеров (июнь 1917 – март 1918 г.) с комментариями В.М. Чернова // Вопросы истории, 2000. №7.
- [3] Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России. – М., 1996.